

Политика

Китай, США и Россия между сотрудничеством и соперничеством

© 2016

А.С. Давыдов

В статье содержится анализ так называемых «острых углов» — проблемных моментов во взаимоотношениях Китая с Россией и США. Дается оценка перспектив развития американо-китайско-российских взаимосвязей в условиях трансформирующейся глобальной архитектоники.

Ключевые слова: КНР, США, Россия, взаимодействие, соперничество, миропорядок, глобальная архитектура.

Мировая архитектура, определяемая политологами как «органическое соединение образующих современный мир отдельных стран, регионов, частей света в **композиционно целостное** мировое пространство», находится ныне в процессе постоянной трансформации. На протяжении последних десятилетий важнейшими участниками и в определенном смысле движущими силами этого процесса выступают Китай, США и Россия. Именно их шаги и взаимоотношения на мировой арене породили целый ряд событий, результатом которых стали те глубинные глобальные изменения, которые мы наблюдаем.

Распад СССР в начале 1990-х годов обозначил крах биполярного мира, сложившегося вскоре после окончания Второй мировой войны на фундаменте идейно-политической конфронтации двух мировых систем. Возникший в итоге постбиполярный мир, который большинство исследователей именуют «монополярным», выглядит сегодня как промежуточный этап геополитического развития. «Глобальное доминирование Запада заканчивается, а многополярный мир еще не сложился и неизвестно, сложится ли окончательно»¹, — справедливо полагают они.

Среди причин такой неопределенности, имеющих комплексную — экономическую, политическую и военно-стратегическую основу, не в последнюю очередь фигурируют разнонаправленные векторы устремлений и диаметрально противоположные цели, которые преследуют участники ведущей мировой «тройки».

Так, Соединенные Штаты, все еще пребывающие в эйфории от ореола «победителя в холодной войне», несмотря на множество собственных проблем не готовы и не спешат отказываться от роли «лидера повсюду». Их намерение осуществлять глобальное доминирование не синонимично, однако, стремлению к «мировому господству», в чем

Давыдов Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.
E-mail: davydov@ifes-ras.ru.

Америку постоянно обвиняют настроенные против нее политики и СМИ. Сил для такого господства, по признанию руководства США, у них сегодня явно недостаточно. Поэтому взамен роли «всемирного полицейского» они взяли на себя функции «главного консультанта по экономическому и политическому обустройству режимов менее развитых стран»², диапазон идеологической ориентации которых варьируется от подобия демократий до авторитарных диктатур. А сферы американского реального, «физического» вмешательства ограничиваются теми регионами, где у США присутствуют конкретные стратегические и финансово-экономические интересы. Одним из них является Ближний Восток с его «нефтеносным Клондайком». В другом регионе — АТР — их беспокоят амбиции нарастившего комплексную мощь Китая. Однако неправомерно, на наш взгляд, утверждать, что в мотивах международного поведения США превалируют исключительно тяга к гегемонизму и махровый прагматизм.

Для многорасовой нации, коими являются США, сформированной переселенцами из Старого Света, главными всегда оставались дух свободы, независимости и демократические устремления. Им были искони присущи и отчасти по сей день свойственны идеалистическое восприятие окружающей действительности и искренняя вера в то, что только созданная на американской земле политическая и экономическая система заодно способна осчастливить и все остальное человечество. Поэтому Америка готова помогать другим народам насаждать и культивировать ее любыми средствами и способами, вплоть до военных.

Китай, вступивший после Олимпиады в Пекине и мирового кризиса 2008 г. в стадию перехода от позиции региональной в статус глобальной державы, изменил модель и качество своего внешнего поведения. С одной стороны, он проявил стремление диверсифицировать и активизировать политические и торгово-экономические связи, причем не только со своими давними партнерами, преимущественно соседями по региону, но и с заинтересованными в упрочении отношений с КНР странами, расположенными на других континентах, в частности, в Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

С другой стороны, реагируя на обращенные против него вызовы и одновременно действуя в духе новоприобретенного статуса, Китай занялся укреплением своего стратегического положения в АТР, реформатированием в собственных интересах прилегающих морских зон, что вызвало резко негативную реакцию со стороны ряда азиатских государств и крайнее недовольство у Вашингтона.

На основании этих действий Китая некоторые наблюдатели сделали вывод об отходе нынешнего руководства страны во внешней политике от постулатов теоретического наследия Дэн Сяопина, завещавшего якобы последующим поколениям лидеров КНР сосредоточиться на внутреннем строительстве державы и не стремиться «чрезмерно высываться вовне». При этом умалчивались два момента: наказ Дэна «копить силы» и намек на то, что срок действия его указаний был ограничен во времени полутора-двумя десятилетиями. Ибо в противном случае процесс «накопления» лишился логики и смысла, поскольку возникал вопрос: «А для чего копить?»

Одновременно осложнилось положение внутри страны. Переориентация в экономике КНР с преимущественно экспортной модели на сочетание ее с приоритетным развитием внутреннего потребления сопровождалась, в условиях внесения корректировок в финансовую систему государства, снижением темпов экономического роста, что привело к возникновению признаков реальной кризисной ситуации. Все это, в свою очередь, несколько замедлило скорость «внешнеполитической активизации» Китая.

В сложном положении оказалась и Россия. Неоправданно затянувшийся процесс выбора ею векторов и ориентиров собственного развития характеризовался метаниями между западным и восточным курсами соответствующих стратегий. Несоответствие экономического и державного статуса территориально-географическим масштабам, запасам

ресурсов и реальному потенциалу страны умаляло ее глобальную значимость и порождало среди российского руководства ощущение «геополитической неполноценности».

Падение мировых цен на нефть, в совокупности с экономическими санкциями Запада в отношении России в связи с Украиной и Крымом, фактически затормозило и без того медленный рост российской экономики, ввергнув страну в пучину кризисной стагнации. Для поднятия престижа и повышения авторитета РФ на мировой арене ее руководство отдало предпочтение не экономическим, а военным рычагам, активно включившись в боевые действия против сил террористов т.н. «исламского государства», действующих на территории Сирии.

Такой путь не выглядел бы тупиковым или бесперспективным, если бы борьба России с ИГИЛ приносила плоды не только в искоренении терроризма, с которым, кстати, пока никому покончить не удалось, но и в повышении наших ставок в игре вокруг мировых цен на нефтяном рынке.

События, связанные со сбитым Турцией российским истребителем, похоже, косвенно подтвердили эту неафишируемую причину нашего участия в сирийской акции. Но желаемого результата России пока добиться не удалось. В качестве другой возможной причины ее активизации в Сирии напрашивается вывод об учебно-тренировочном характере боевых действий российской авиации как подготовки к более серьезным военным миссиям.

РФ — КНР: изъяны и шероховатости партнерства

Установление при поддержке Б. Асада или без него российского контроля в Сирии, возможно, могло бы содействовать продвижению к искомым целям. Но не стоит забывать, что побочным итогом подобного развития событий для России могут оказаться не только выгоды, но и огорчительные последствия.

Так, в вопросе нефтяного ценообразования российские интересы расходятся, к примеру, с интересами Китая — нашего главного стратегического союзника на данный момент, который приобретает нефть преимущественно на Ближнем Востоке и в связи с этим вынужден «подстраиваться» под конъюнктуру, формируемую там арабскими союзниками США.

Это невыгодно для России, официальные отношения которой с КНР, по их обоюдному признанию, сегодня «тесны как никогда прежде, а степень взаимного доверия между руководителями двух стран достигла беспрецедентного уровня».

Мы по существу одинаково оцениваем как события прошлого, так и современную ситуацию, что составляет позитивную основу для дальнейших совместных шагов в направлении воссоздания новой мировой архитектуры, покоящейся на фундаменте многополярности или полицентричности, т.е. на тех самых принципах, главенство которых на глобальном уровне формально отстаивают и Россия, и Китай.

Однако это не должно мешать объективной оценке потенциальных пределов российско-китайского взаимодействия. Нелишне не только суммировать то, что нас объединяет, но больше сосредоточиться на нестыковках и расхождениях, существующих между Россией и Китаем, которые, отражая специфику национальных интересов каждой стороны, одновременно способствуют ослаблению нашей общей позиции по противодействию доминированию США.

Таких пунктов несколько, но общим главным заблуждением и российских, и китайских экспертов, выстраивающих схемы «совместного противостояния американскому экспансионизму», является постулат об «очевидной взаимодополняемости и совместимости экономик и идентичности политических курсов КНР и РФ». Этот миф опровергается как показателями, характеризующими, например, торгово-экономические взаимосвязи России и Китая, с одной стороны, и КНР и США, с другой, так и расхождениями в политике КНР и России по ряду ключевых региональных проблем.

Что касается российско-китайских связей в торгово-экономической области, то не смотря на констатацию прогресса в их развитии, в них сохраняются серьезные дисбалансы, главными из которых остаются незначительная доля России во внешней торговле Китая и сырьевой характер российского экспорта в КНР. Взаимозависимость экономик двух стран крайне мала, и их торгово-экономические отношения заметно отстают по темпам, уровню и масштабам развития от российско-китайского политического и стратегического диалога. Порою складывается впечатление, что Китай разделяет своих партнеров на экономических и политических, и Россия относится скорее к разряду вторых, чем первых.

Из характеристик торгово-экономических взаимоотношений КНР с США и Россией очевиден вывод, что Китай не поступится своей реальной экономической выгодой ради «фьючерсных» политических дивидендов. Другой вывод состоит в том, что подлинное, а не декларативное взаимодействие Китая и России в противовес США возможно лишь в тех сферах и на тех направлениях, где со стороны Америки существуют угрозы параллельным, но не пересекающимся интересам двух наших стран.

В подтверждение приведем пример обеспокоенности Китая развитием ситуации в Центральной Азии, где, согласно прогнозам СМИ, «возможно повторение украинского сценария»³. Это утверждение было основано на укреплении связей Казахстана и Туркмении с США, в том числе в военной области, с целью якобы «защиты от негативных воздействий на них ситуации в Афганистане и уменьшения зависимости от Москвы».

Интересы Китая по противодействию США в ЦА в этом случае совпали с российскими, но до определенных пределов: как один из самых главных потребителей туркменского газа, перехвативший этот статус у России, Китай готов сотрудничать с ней в ограничении американского влияния в регионе, однако без ущерба для интересов Туркменистана — основного российского конкурента на центрально-азиатском газовом рынке.

В подобных условиях Соединенным Штатам легче играть на китайско-российских противоречиях, одновременно усиливая свои позиции в Центральной Азии. Получается, что основы продекларированного РФ и КНР стратегического партнерства ослабляются их взаимным региональным соперничеством.

Еще одной иллюстрацией сложностей, возникающих в российско-китайском взаимодействии, является поиск консенсуса по проблеме сопряжения проекта построения Экономического пояса Шелкового пути, предложенного Китаем, с российской идеей формирования Евразийского экономического союза. Очевидно, что в случае реализации этого замысла продвижение обеих стран к достижению главной намеченной ими цели было бы более легким. Однако путь в этом направлении связан с преодолением многих трудностей.

Не секрет, что реакция на китайский проект в России была достаточно осторожной и сдержанной. Для нее имелись внешние причины, связанные, в частности, с публикацией в октябре 2013 г. в правительственной печати КНР ряда материалов, оценивавших преимущества, которыми Китай якобы располагает в Центральной Азии по сравнению с Россией и США. Одновременно ряд китайских экспертов высказали мнение о том, что «самым большим вызовом» проекту Китая на пространстве Центральной Азии является налаживание отношений с Россией.

Внимание российской стороны привлекла также характеристика ЭПШП авторитетными китайскими экспертами как «инновационной модели сотрудничества, которая не содержит в себе интеграционных намерений, не преследует целей создания формального сообщества и направлена исключительно на улучшение среды многостороннего сотрудничества и налаживание эффективных партнерских отношений». В сочетании с тезисом о необходимости развития западных регионов КНР, перечислением маршрутов прохождения транспортных коридоров и рядом других соображений китайской стороны ее инициатива могла быть воспринята как скрытая идея укоренения и укрепления китайского лидерства.

На основе нарастающего расхождения интересов двух стран на постсоветском пространстве возник скептицизм при анализе проектов российско-китайского транспортного взаимодействия. Причина, лежащая на поверхности — неуклонно растущий товарооборот Китай—Европа и пути его перемещения.

Так, по данным таможенной статистики КНР, через Маньчжурию и Алашанькоу сухопутным путем в Европу в 2014 г. было отправлено грузов на сумму около 5 млрд долл., что составило менее 1% стоимости объема торговли между КНР и ЕС. Но Россия в контексте китайского проекта заинтересована в том, чтобы после прохождения сухопутных китайских грузов через территории КНР и Казахстана они шли затем не в обход ее, а, принося транзитную прибыль, стабильно выходили на российские железные дороги, ведущие далее в Восточную или Западную Европу.

Кроме того, между РФ и Китаем имеются определенные различия во взглядах на экономическое развитие региона Центральной Азии, деятельность ШОС и других региональных структур.

К примеру, в правительственной Концепции КНР от 28 марта 2015 г. подчеркнуто, что фундаментальным приоритетом проекта является продвижение зон свободной торговли. Как это будет сочетаться с торговыми ограничениями, предусматриваемыми для своего внутреннего рынка уже действующим Евразийским экономическим союзом, пока не вполне ясно. Не случайно в совместном майском заявлении 2015 г. о сопряжении проектов двух стран об этом было сказано в весьма осторожных формулировках.

Что касается Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), то в России бытует мнение, что, обладая внушительным потенциалом, она, тем не менее, не является полноценным институтом региональной безопасности и продолжает находиться в поисках собственной идентичности. Механизм взаимодействия ШОС исключает применение силы или угрозы силой, ведение военной деятельности при нарушении стабильности в регионе.

С учетом опасений, что одной из целей экспансии ИГИЛ, стремящегося распространить халифат на все пространство «Большого Ближнего Востока», может стать Центральная Азия, в российской экспертной среде поговаривают о необходимости усиления военно-политической составляющей ШОС. Со своей стороны, Китай в базовой стратегии организации отдает приоритет экономической проблематике.

Она, безусловно, актуальна и для России. Как отмечалось выше, «подтягивание» экономической составляющей наших отношений с Китаем до уровня политической — первейшая задача в укреплении российско-китайских взаимосвязей, для решения которой пригодны любые форматы, как двусторонние, так и многосторонние.

Оценивая свой визит в КНР в декабре 2015 г. для участия в заседании глав правительств стран-членов ШОС и ряде других мероприятий, российский премьер Д. Медведев после встречи с премьером Госсовета КНР Ли Кэцзяном подчеркивал, что «отношения России и Китая вышли на особый уровень и начали приносить плоды экономикам двух стран и людям, которые в них живут»⁴. В ходе его поездки в Китай было подписано 33 документа, в том числе по совместным проектам в сельском хозяйстве и энергетике, где продолжается работа по строительству газопровода по восточному и западному маршрутам. По словам Медведева, стороны подтвердили взаимное желание увеличить к 2020 г. объем двусторонней торговли до 200 млрд долл.

Однако, по признанию некоторых экспертов, комментировавших визит, несмотря на множество имеющихся соглашений между РФ и КНР, способствующих активизации и значительному расширению двустороннего сотрудничества, структура его главного компонента — торговли — пока «не отражает конкурентные преимущества экономик обеих стран». Поэтому расширению и определенной гармонизации их торгово-экономического взаимодействия «может способствовать устойчивое наращивание инновационно-модернизационного вектора экономического развития Китая и России»⁵.

На фоне визита обратила на себя внимание резкая критика положения в российской экономике и ее перспектив, высказанная сразу после отъезда Д. Медведева из Китая в статье государственного агентства «Синьхуа». Примечательно, что Китай, до последнего времени традиционно сохранявший сдержанность в оценках ситуации в России и старавшийся всячески выказывать свое расположение к ней, на этот раз не удосужился скрывать недовольство и раздражение не только в отношении разразившегося в ней кризиса, но и по поводу препятствий, которые возникли в его результате на пути китайско-российского сотрудничества.

Объективно России и Китаю друг без друга не обойтись. КНР необходимы российские энергоресурсы и геополитическая поддержка, а России — разнообразная промышленная продукция КНР и ее вес и влияние в АТР. Линия на дальнейшее укрепление всесторонних связей с Китаем определенно отвечает российским интересам. Это важно не только в силу их самоценности, но и как страховка от неприятной и потенциально не исключенной полностью перспективы оказаться на обочине каких-либо китайско-американских проектов во вред России.

Стратегически Россия для КНР — не только безопасный тыл, но и опора при формировании искомого и вожеленного обеими сторонами нового мирового и регионального порядка. Однако в Китае в последнее время стали как будто забывать об этом, увлекшись выстраиванием различных иных геополитических комбинаций. Двойственная позиция КНР по вопросу Крыма, как и лавирование в свое время по проблемам Абхазии и Южной Осетии, не вполне созвучны принципам и духу «стратегического партнерства».

В сложившейся сегодня ситуации формула «всеобъемлющего стратегического партнерства» перестала, на наш взгляд, адекватно отражать глубину взаимосоприкосновения российско-китайских интересов и парадигму взаимодействия двух стран. Укрепление связей по военной линии, постоянные продажи современных российских вооружений в КНР, а также регулярные совместные военные и морские учения перешагивают рамки этой расплывчатой формулы, универсально применяемой китайцами и к характеристике своих отношений с другими государствами мира. Ее трансформация применительно к российско-китайским связям в **«отношения всеобъемлющего взаимодействия в рамках полного геополитического согласия и стратегического единства»** более четко и качественно воспроизведет их состояние.

При окончательном определении с выбором модели будущего мироустройства Китаю и России видимо придется решать, что для них важнее — консолидированные действия для достижения совместно поставленной цели, или собственные, более узкие по сравнению с глобальными планами, замыслы каждой из сторон.

Из выступлений ряда представителей китайской стороны на состоявшейся 29 мая 2015 г. в Москве совместной российско-китайской конференции под эгидой Российского совета по международным делам (РСМД)⁶ следовало, что Китай видит в России, в первую очередь, некую контр-силу, способную совместно с ним противостоять тем действиям США в АТР и на глобальном уровне, которые идут вразрез с китайскими интересами.

Это вынудило некоторых российских экспертов заметить, что на основе старых подходов никаких проблем безопасности в Восточной и Северо-Восточной Азии сегодня решить нельзя, и для этого нужны новые инструменты и новые идеи. Среди них может, однако, обнаружиться и «хорошо забытое старое», включая предложение реанимировать идею трансконтинентального моста «Азия — Америка», возникшую еще в XIX веке.

Возможность ее реализации в опоре на современные межрегиональные институты подводит к выводу, что построение системы безопасности в АТР без участия США представляется нереальным.

КНР — США: столкновение двух тенденций

На протяжении двух-трех последних лет в отношениях между США и КНР проявилось сочетание двух разнонаправленных тенденций: с одной стороны — стремления к взаимному ослаблению конфликтности, сглаживанию, а порою камуфлированию разногласий и поиску реальных компромиссов, а с другой — все более обостренного восприятия каждой из двух стран «пересечений» со стороны ее визави т.н. «красных линий» — разграничителей ее собственных региональных или глобальных интересов.

Обе эти тенденции отражаются в разбросах оценок перспектив дальнейшего развития китайско-американских отношений. По определению известного политолога С.Г. Лузянина, часть из них «строится на приоритете роста взаимозависимости (двух стран) в финансово-экономической сфере, которая автоматически «купирует» региональные и геополитические противоречия, является гарантией от конфликта»⁷. А другой, диаметрально противоположный подход предполагает «неизбежный рост противоречий (вплоть до военного конфликта), который не может быть смикширован усилением финансово-экономической зависимости».

При этом, по мнению российского политолога, «подъем Китая и переход его в новую весовую категорию сверхдержавы... только усиливает внутреннюю китайско-американскую конфликтность, которая всегда будет присутствовать в отношениях Китая и Америки, поскольку обусловлена противоположными геополитическими интересами»⁸.

Это действительно так. В вопросе стратегической стабильности взаимоотношения США и КНР по существу давно близки к тупиковым, поскольку ни Вашингтон, ни Пекин, приняв на себя обязательства и обещания по предотвращению взаимных конфликтов, до сих пор не удосужились совместно разработать или предложить друг другу какую-либо программу или разумный план действий в этой области.

Одним из недавних примеров конфликта, едва не завершившегося переходом к открытой конфронтации, стал инцидент в конце октября 2015 г. в Южно-Китайском море, связанный с вхождением в акваторию вблизи спорных островов Наньша американского эсминец «Лассен». Китайская сторона, по информации МИД КНР, «отследила, преследовала и сделала предупреждение» военному кораблю США, а эксперты из Поднебесной заявили, что «китайские военные должны быть готовы к контрмерам, соизмеримым с уровнем провокаций США», и если «Вашингтон посягает на интересы Пекина, то военные будут использовать силу, чтобы остановить его»⁹.

Примечательно, что этот инцидент случился менее чем через месяц после визита в США Председателя КНР Си Цзиньпина, охарактеризованного американской стороной как «очень плодотворный и открывший много новых сфер для налаживания и расширения двустороннего сотрудничества». Аналогичные оценки переговоров главы руководства КНР с президентом США Б. Обамой прозвучали и со стороны Китая. В ходе их, помимо проблем изменения климата, кибербезопасности, Афганистана и др., обсуждались, кстати, и морские вопросы.

Вышеизложенное, как представляется, свидетельствует о том, что современные отношения между КНР и США настолько сложны и многомерны, что не приемлют однозначности в оценках и требуют в процессе их анализа осуществления комплексного подхода с разбивкой по основным их составляющим.

Если исходить из главных внешнеполитических целей обеих стран, которые для Пекина состоят в наращивании комплексной национальной мощи в интересах превращения в мировую супердержаву, а для Вашингтона — в сохранении неоспоримого регионального и глобального доминирования с целью по-прежнему резервировать за собой право «вершить судьбы мира», диктуя правила поведения другим государствам в их международных и внутренних делах, то можно с уверенностью предположить, что сферы соперничества и противоречий в их взаимоотношениях будут продолжать расти и расширяться.

Подтверждением служит тот факт, что за последние несколько лет, в рекордно короткие сроки перечень конфликтов и разногласий США и Китая, включавший в начале XXI в. в число основных тайваньский вопрос, аспекты правозащитной проблематики и тематику экономического характера, сильно разросся за счет прибавления противоборства двух государств в АТР, в том числе в зоне Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, их соперничества в других регионах (Ближний Восток, Африка и Латинская Америка), столкновений в сферах кибербезопасности и свободы Интернета, а также распрей в связи с ситуацией в Гонконге.

Но одновременно в США с учетом фактора повышения геополитического веса и влияния КНР произошла определенная трансформация подходов в их китайской политике, которая утратила свойственные ей прежде определенную импульсивность и «реактивный характер» и стала более взвешенной и упорядоченной. Это было замечено и оценено в Китае, где тоже начали задумываться о приведении собственного американского курса в соответствие со складывающейся геополитической реальностью.

В результате в Пекине возникла и была предложена не только Соединенным Штатам, но и другим ведущим мировым государствам идея «выстраивания между великими державами отношений нового типа», которая нашла позитивные отклики и у американской администрации.

Выдвижение Китаем этой новой инициативы применительно к отношениям с США подразумевало, что в условиях уменьшения в них силовой асимметрии активизация роли КНР в мировых делах превращает китайско-американские связи в более сбалансированные, а сотрудничество — в еще более взаимовыгодное и продуктивное. Со своей стороны, США исходили из того, что формирование нового механизма взаимодействия с Китаем с акцентом на приоритет в нем общих интересов предпочтительнее усиления стратегического соперничества.

Однако с течением времени стало очевидным, что даже в их «обновленном» виде отношения двух стран не застрахованы от резких перепадов. Их «официальное провозглашение» летом 2013 г. во время встречи в Калифорнии Б. Обамы и Си Цзиньпина лишь несколько разрядило накал противоборства между США и КНР, но в долгосрочном плане никого не ввело в заблуждение.

Стратегические цели и тактические методы США очевидны, понятны и неизменны. Комплексная мощь и накопленный потенциал обеспечивают Америке до поры до времени возможность действий с позиции глобального превосходства. Поэтому ключевым соображением при ответе на вопрос о будущем характере и содержании китайско-американских взаимоотношений является установление того, как дальше планирует действовать и вести себя Китай.

Прежде всего, суть в том, примет ли он в расчет константные подходы США к решению международных проблем и станет адаптироваться к ним, либо, игнорируя их, пойдет напролом? Будет ли соперничать с Америкой за главную позицию в мире и ведущую глобальную роль? Или удовлетворится лишь реализацией собственных региональных амбиций? Станет бороться за построение многополярного или биполярного мирового порядка, либо негласно смирится с собственным существованием в сформированном однополюсном пространстве при главенстве патронируемых США международных институтов?

Весьма значимо также понимание того, захочет ли Китай вступить в соперничество со своим главным визави за доминирование в Евразии и постепенное уменьшение в ней американского влияния и присутствия в результате прокладывания там собственных «шелковых путей»? Вознамерится ли он бросить Соединенным Штатам реальный вызов на просторах морей и океанов? Как будет сохранять внутреннюю стабильность под руководством своих нынешних властных институтов, включая КПК, и каким образом защитит страну от проникновения «вредоносных бактерий» чужой идеологии и разнообразных «цветных» революций? Чем будет руководствоваться в первую очередь в рамках формата

тройственных взаимоотношений «КНР — США — РФ»? И главное — какой ресурс для выполнения всех этих задач имеется у Китая?

Современные китайско-американские отношения реализуются в трех измерениях: двустороннем, региональном и глобальном. К первому относятся торгово-экономические связи, проблемы Тайваня, прав человека (включая Тибет, СУАР, диссидентов, свободу слова, Интернет и вопросы кибербезопасности). Сюда же можно условно причислить проблемы, которые, по мнению Китая, затрагивают его внутреннюю безопасность (проникновение «чуждых идей» и подрыв государственных институтов власти, в том числе ситуация в Гонконге).

Отношения США и КНР на региональном уровне в первую очередь связаны с их противостоянием в Азиатско-Тихоокеанском регионе, с конфликтами в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, противоречиями вокруг торгово-экономических многосторонних международных региональных организаций, соперничеством в Центральной Азии и усилением китайского влияния на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке.

В глобальном формате интересы Америки и Китая пересекаются на евразийском пространстве, во взаимоотношениях с Россией и в урегулировании проблемы будущего мироустройства — сохранении монополярности, либо формировании биполярности или полицентричности.

Важнейшей сферой двусторонних китайско-американских отношений являются торгово-экономические связи. Они стабильны и достигли впечатляющих параметров. В 2014 г. объем торговли США и Китая составил 550 млрд долл. Проблема состоит в значительном торговом дефиците у Соединенных Штатов, который увеличивается из года в год. Так, в 2013 г. он превзошел 318 млрд долл., а в 2012 г. был ненамного меньше — 315,1 млрд долл. По мнению американской стороны, причиной такого громадного дефицита является манипулирование в Китае курсом юаня, долговременное занижение которого помогало китайским экспортерам повышать конкурентоспособность их продукции. Вспышки «торговых войн» между двумя странами на почве недооценки китайской валюты случаются периодически. Но гнев Америки гасится тем, что КНР уже на протяжении длительного времени остается главным кредитором и хранителем государственных долговых обязательств США, спасая их от банкротства.

Проблема Тайваня, пожалуй, наиболее долговременная в отношениях двух стран. КНР традиционно считает ее главным препятствием на пути их позитивного развития. На протяжении десятилетий тайваньский вопрос во взаимоотношениях Пекина и Вашингтона то обострялся, то отходил в тень. Его катализатором ныне выступают в основном два фактора: периодически возникающие у США намерения вооружать остров по просьбе его правителей современным американским оружием и звучащие время от времени со стороны тайваньских политиков угрозы о провозглашении независимости. Слышны они громче всего из уст представителей Демократической прогрессивной партии Тайваня, кандидат которой 59-летняя Цай Инвэнь одержала убедительную победу на состоявшихся 16 января с.г. президентских выборах. В своем заявлении после подсчета результатов голосования она провозгласила намерение еще больше усилить взаимодействие с США при одновременном нежелании «рвать связи с материковым Китаем». Пекин, со своей стороны, до последнего времени предпринимал активные шаги к улучшению отношений с островом и существенно преуспел в этом. Состоявшаяся в Сингапуре 7 ноября 2015 г. встреча лидеров КНР и Тайваня — Си Цзиньпина и прежнего президента Ма Иньцзю, правившего от лица Гоминьдана — весомое тому подтверждение.

Несмотря на победу на выборах оппозиционных Гоминьдану сил, существует серьезный фактор, который может умерить «антиконтинентальные» настроения тайваньских политиков: экономическая зависимость острова от КНР заставляет его руководство быть более осторожным и «не сердить» власти материкового Китая.

Вашингтон периодически использует «тайваньский рычаг» для нажима на Китай, в то время как КНР неизменно выступает против любой формы официальных контактов между США и тайваньскими властями. Нейтрализация ситуации вокруг Тайваня, по мнению зарубежных наблюдателей, «потребуется для начала договоренностей США и Китая об ограничении продаж американского оружия в обмен на... ограничения на производство и размещение китайских вооружений, нацеленных на остров». Кроме того, Пекину «понадобится предоставить надежные гарантии, что он не будет применять силу против Тайваня в любой ситуации, кроме прямой декларации независимости... или размещения американских сил на острове.... Также Пекину, вероятно, потребуется признать, что объединение с Тайванем может произойти только в рамках мирного процесса и на основании волеизъявления жителей Тайваня». «США, в свою очередь, понадобятся предоставить Китаю гарантии, что они не будут ни размещать свои силы на острове, ни наращивать военную поддержку Тайваня, если Китай будет соблюдать свои обещания»¹⁰.

Тема кибербезопасности стала в последнее время наиболее острой в двусторонних отношениях Вашингтона и Пекина. Она возникла на почве участвовавших, по мнению американской стороны, случаев китайского проникновения в закрытые и, как предполагалось, защищенные государственные компьютерные сети США. Особенно серьезным посчитали взлом в 2014 г. якобы китайскими «хакерами» компьютерной системы правительственного офиса по управлению персоналом, содержащей секретные сведения о 4 млн бывших и действующих американских госслужащих. В январе 2015 г. Агентство национальной безопасности (АБН) США сообщило о краже Китаем из закрытых информационных сетей данных, касающихся разработок в области стелс-технологий и двигателей новейшего американского истребителя F-35. Со своей стороны, китайцы, ссылаясь на разоблачения Э. Сноудена, высказывали возмущение подрывными действиями в киберсфере того же АБН.

И все же самыми чувствительными для взаимоотношений двух стран являются их конфликты и противоречия на региональном уровне и прежде всего в АТР. Оба государства, резко увеличившие во втором десятилетии XXI в. активность в этом регионе, вызывают своими действиями в нем вполне обоснованное беспокойство и взаимное недоверие друг у друга.

Растущее недовольство и крайняя обеспокоенность Пекина связаны с провозглашением в 2010 г. «возвращения США в АТР», вылившегося во вмешательство Вашингтона в территориальные споры в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, в укрепление им военных союзов и формирование новых партнерских отношений в регионе, в частности, «перетягивание» на свою сторону таких ключевых азиатских стран, как Вьетнам и Мьянма, в интенсификацию совместных военных учений с США в этом районе и усиление американской разведывательной деятельности вблизи китайской территории.

Поводов для беспокойства относительно складывающейся ситуации в АТР становится все больше и у Америки. Китай не только по экономическим, но и по военным параметрам уже превратился в могучий региональный центр силы и влияния. Его оборонный бюджет неуклонно и устойчиво возрастает (в 2015 г. прямые расходы на оборону должны были составить порядка 142 млрд долл., т.е. на 10,1% больше, чем в предыдущем 2014 г.). Значительно укрепился военный потенциал КНР, усилилась напористость Пекина в реализации его национальных интересов.

Случаи противостояния китайских и американских морских и воздушных судов в омывающих Китай акваториях и воздушных пространствах над ними стали привычными. В ответ на продолжающиеся разведывательные операции ВВС и ВМС США в 200-мильной исключительной экономической зоне КНР Китай с 2012 г. ввел в практику осуществление военных маневров в пределах исключительной экономической зоны США — в рай-

онах Гуама и Гавайских островов в Тихом океане. Это было достигнуто благодаря расширению оперативных возможностей вооруженных и военно-морских сил КНР.

Укрепление военной мощи сопровождается попытками Китая расширить свой контроль над морскими и воздушными путями сообщения в АТР. Создание опознавательной зоны ПВО в Восточно-Китайском море и открытие несогласованного с другими сторонами нового авиамаршрута, проходящего всего на 8 км западнее линии водораздела Тайваньского пролива — лишь первые в серии таких попыток¹¹.

Другими словами, Пекин делает все возможное, чтобы изменить военный баланс в АТР в свою пользу и таким образом лишить другие его страны иного выбора, кроме как принять силу Китая. В ответ США планируют разместить к 2020 г. в регионе до 60% сил своих ВМС и ВВС¹².

Серьезную обеспокоенность Вашингтона вызвала новая тактика реализации Пекином территориальных притязаний: колоссальные по масштабам и беспрецедентные по скорости осуществления работы по укрупнению островов в Южно-Китайском море. За 2014 г. путем намывания Китай увеличил площадь как минимум пяти островов, что реально усиливает позиции КНР в морской акватории вопреки интересам США.

При Си Цзиньпине стали на деле воплощаться в жизнь замыслы строительства «прочной национальной обороны, соответствующей международному статусу» КНР, и превращения страны в «могущественную морскую державу»¹³, намечавшиеся еще во времена руководства Ху Цзиньтао. Так, для усиления китайского ВМФ планируется довести к 2020 г. количество кораблей в его составе до 351, включая развитие авианесущей составляющей и качественное обновление подводного флота. Все это заставляет Вашингтон «подозревать Пекин в стремлении получить стратегическое преимущество не только в прилегающих водах, но и на просторах Тихого океана»¹⁴.

Ранее эксперты отмечали некую закономерность: чем хуже у Китая складывались отношения с соседями по региону, тем активнее Пекин пытался уверить всех в том, что в отношениях с США у него есть возможности для большего сближения. Таким образом, руководство КНР сигнализировало региональным державам, что «США вынуждены считаться с сильным Китаем и готовы с ним договариваться»¹⁵. Но это было прежде, когда Китай надеялся, что позитивные отношения с США помогут ему улучшить взаимосвязи с другими, напряженно относившимися к нему странами АТР. Сейчас он почувствовал свою силу и самодостаточность и на Америке в этом практически уже не уповает.

Скорее напротив, Пекин активно продвигает идею региональной системы безопасности в АТР, альтернативной той, которая функционирует ныне, базируясь преимущественно на двусторонних союзнических связях США с пятью странами региона. В Вашингтоне в ответ сделали вывод, что Китай намерен «стимулировать создание новой системы региональной безопасности без участия США с опорой на принцип «Азия для азиатов»¹⁶. И заявляют, что это способно накалить американо-китайские противоречия в АТР до предела.

Вряд ли стоит, однако, даже гипотетически, серьезно оценивать возможность наличия у Китая сил, чтобы закрыть Америке «двери в Азию». Такими возможностями он не располагает, но даже если бы имел их, то не ставил бы подобной задачи, поскольку совершенно не заинтересован в том, чтобы радикально ломать существующую систему. Главная задача Пекина — постараться, если удастся, переформатировать ее под себя. Так, на создание США транстихоокеанской зоны свободной торговли в виде ТТП — союза, не включающего Китай, он ответил концепциями Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века.

При этом экспертные оценки такого шага расходятся диаметрально. От резко антикитайской, основанной на постулате об окончании «эпохи доминирования морской державы (США)» и вытеснении ее в результате наступления «эпохи сухопутной державы (Китая), в которой центральная и важнейшая часть (хартленд) Евразии или «осевой

регион» будет ключом к (его) мировому господству»¹⁷. До вполне оптимистичного и примирительного прогноза, трактующего отношение США к китайской инициативе как компромисс и согласие на апробацию новой модели взаимоотношений двух стран, поначалу в Центральной Азии, которую затем, в случае успеха, можно распространить и на другие регионы¹⁸.

Другими словами, предпринимается попытка доказать, что усилия Китая убедить США в целесообразности перевода сложного комплекса их взаимоотношений от движения к конфронтации или взаимодействия под американским доминированием на рельсы конкурентного сосуществования при взаимном учете интересов каждой из сторон якобы стали приносить первые плоды. Возможно, в этом есть доля истины, но обольщаться не стоит. Конфликтность, противостояние и противоборство продолжают сосуществовать в отношениях КНР и США параллельно со стремлением к компромиссам и примирению.

Это наглядно иллюстрируют усиливающиеся амбиции Китая в других регионах помимо Центральной Азии и АТР. Так, с началом т.н. «арабской весны» заметно возросла активность КНР на Ближнем Востоке. Шаги Пекина там свидетельствуют о развороте от выжидательной позиции к наступательной деятельности, нацеленной на повышение его веса и расширение влияния, как в самом регионе, так и в более широком международном контексте¹⁹. На Ближнем Востоке Китай ведет собственную игру. Признавая там сохранение доминирующей роли США, он в то же время не хочет присоединяться к американской политике, считая ее «провальной». Одновременно из уст представителей китайского руководства недвусмысленно звучит тезис о том, что «США не могут оставаться единственным лидером ближневосточного процесса»²⁰.

В контексте нынешних китайско-американских отношений это может стать вызовом роли Америки на Ближнем Востоке, где КНР активизируется, преследуя три главные цели: 1) укоренение своего политического присутствия; 2) отстаивание собственных нефтяных интересов; 3) расширение торгово-экономических связей и обновление рынков для своих товаров. Как полагают специалисты-«ближневосточники», Китай закрепляется в этом регионе не только с целью геополитической конкуренции с США, но и для противовеса влиянию России. Борьбу с ИГИЛ он ведет больше вербально, на уровне деклараций. В то же время не исключаются связи китайских исламистов с боевиками этой организации.

Проблема исламского экстремизма по-прежнему актуальна для КНР. Усиливая сохраняющиеся поползновения внутри страны к сепаратизму, он закономерно оценивается властями в качестве серьезной угрозы ее внутренней безопасности и фактора, работающего на подрыв национального и государственного единства. Среди других «зол», относящихся к данной категории, находятся диссидентствующие активисты, средства и институты распространения в народной среде «вредоносных» либеральных ценностей и идей, организаторы т.н. «цветных революций». Иными словами, все те, кто так или иначе угрожают монополии компартии Китая на власть в стране.

Руководители КНР неоднократно объявляли, что располагают свидетельствами того, как финансовая и моральная подпитка этих враждебных сил осуществляется из-за океана. В качестве недавнего примера приводятся события в Гонконге, развернувшиеся осенью 2014 г. и охарактеризованные как «проверка китайского руководства на прочность», которую оно, судя по всему, прошло успешно, «подтвердив устойчивость системы»²¹.

Думается, однако, что опасности для внутривнутриполитической стабильности Китая в основном таятся не вовне, а внутри страны и кроются, в первую очередь, в ее экономической ситуации. Что бы ни проповедовали видные партийные экономисты в КНР, развитие в режиме «экономического чуда» на протяжении почти четырех десятилетий средними темпами от 7 до 10 процентов в год исключительно «по восходящей», без спадов и

кризисов невозможно и нереально. Когда настал черед перепадов, монопольное право КПК управлять страной стало ставиться под сомнение.

Обвалы на фондовом рынке, отток капиталов и уход из Китая инвесторов, огромные долги внешним кредиторам, избыточные производственные мощности, снижение импорта и значительное сокращение золотовалютных резервов — все это не стыкуется с оптимистичными заявлениями китайских экспертов, уверяющих, что страна отнюдь не в кризисе, а просто «перестраивается, успешно адаптируется к новым условиям»²².

По прогнозам некоторых российских специалистов, впереди у Китая грядет еще большая по сравнению с летом 2015 г. девальвация юаня, которая будет основана на «сжатию внутреннего рынка»²³. В такой ситуации, учитывая отмечавшуюся выше тесную связь американской экономики с китайской, Соединенным Штатам совсем невыгодно «топить» ее. Скорее целесообразно протянуть КНР руку помощи. Но в перспективе, в случае долговременно сохраняющихся признаков кризиса и экономической стагнации политическая система Китая может зашататься, и не исключено возникновение в стране «перестроечных тенденций» по типу советских в середине 1980-х годов. Если подобное случится, США придется серьезно задуматься о возможных последствиях такой «перестройки» и о том, стоит ли потворствовать ей, как в свое время в СССР, или лучше помешать.

США — Китай — Россия: как жить дальше?

Вопрос о том, что будет происходить во взаимоотношениях трех мировых держав в настоящем и будущем, чрезвычайно актуален не только для них самих, но для международных политических элит и всего мирового сообщества. Существуют разнообразные концепции и прогнозы в отношении того, как эти взаимоотношения должны выглядеть в интересах обеспечения глобальной стабильности и построения универсально приемлемого миропорядка.

Несмотря на горделивое заявление Б. Обамы 13 января 2016 г. в его обращении к Конгрессу об исключительной роли Америки, на которую, якобы в отличие от Пекина или Москвы, «люди всего мира смотрят в поисках лидера»²⁴, совершенно ясно, что ни одно сколь-нибудь значимое внешнеполитическое решение не принимается в Вашингтоне без оглядки на возможную реакцию двух этих столиц.

Хотя общий посыл теоретических изысканий ведущих специалистов-международников США, КНР, России и ряда других стран по-прежнему сводится к тому, что в мире не существует неизбежной обреченности на возникновение не только горячей, но даже холодной войны, преобладающие в их правящих кругах антагонистические представления не уменьшились, а наоборот, продолжают углубляться, способствуя усилению разногласий.

Уверенность США в том, что их превосходство и военное доминирование выступают гарантом безопасности, силой сдерживания и защитой международного права, поскольку реально содействовали обеспечению 70-летнего периода относительно мирной жизни и экономического роста, противоречит взглядам Китая и России, убежденным, что порядок и процветание в нашем взаимозависимом мире должны опираться преимущественно на сбалансированное соотношение сил между крупными державами, на их сотрудничество в разрешении общих вызовов при посредничестве ведущих международных организаций. И в этой новой иерархии сил более мощные державы обязаны направлять более слабые по взаимовыгодному пути, а не манипулировать ими²⁵.

Но это в идеале, а на деле и у КНР имеются существенные концептуальные и практические расхождения с РФ в вопросах, касающихся грядущего миропорядка. У Пекина есть долгосрочные и весомые стимулы для сотрудничества с США и Западом, в том числе: необходимость поддерживать экономический рост, решать общие региональные и

глобальные проблемы, одновременно страхуясь от западных угроз. Для этого китайские политологи предлагают руководству КНР свои рецепты.

Старший научный сотрудник Китайского института современных международных отношений (КАСМО) Сунь Жу (жен.) считает, что в отличие от прежней пассивной роли КНР в отношениях с США теперь, когда разрыв между ними в соотношении сил сократился, их сотрудничество должно стать более сбалансированным, и необходимо создать структуру, которая «выходит за рамки традиционных способов появления новых мировых держав». В настоящее время, утверждает она, «Китаю приходится делать свой выбор, и он решает избежать сценария холодной войны. Чтобы заверить в этом США, Китай сменил тон в вопросе о международном порядке... (КНР) не будет стремиться разрушить существующую международную систему, господство в которой принадлежит США»²⁶.

Другой китайский эксперт, руководитель Центра американистики КАСМО, профессор Да Вэй полагает, что пришло время заменить старые принципы построения китайско-американских отношений, основанные на «вовлечении и присоединении», «новым стратегическим консенсусом», который постулирует «совместное развитие в рамках существующей международной системы»²⁷. При этом он считает необходимым получение Китаем гарантии от США, что в рамках этой системы у КНР сохранится «пространство для роста», а его страна, в свою очередь, должна заверить Америку, что «не намерена выступать против нее»²⁸.

По мнению Да Вэя, контакты Китая с Россией и США развиваются параллельно, и их не следует рассматривать в рамках «треугольника», пытаться «связывать все вместе и раздумывать над тем, не скажутся ли американо-китайские дела на российско-китайских и наоборот». Он уверен, что «американский фактор не оказывает влияния на отношения Китая с Россией». По словам политолога, особенностью российско-китайских связей является то, что они «тесные и близкие», а китайско-американских — то, что они «весомые и важные», поскольку КНР и США — крупнейшие мировые экономики²⁹.

Эти рекомендации китайских экспертов свидетельствуют, что в КНР не исключают возможности на определенных условиях согласиться на сохранение монополярной системы во главе с США, поскольку на практике «изменение международного порядка не является для Пекина самоцелью»³⁰. Главное для него — получить в этой старой системе место, которое он будет считать достойным.

На этой почве возникают различные спекуляции. Кое-кто полагает, что США и Китай могут «сговориться» за спиной России и сформируют антироссийский альянс. Вовлечь Китай в орбиту влияния США, чтобы вместе управлять миром, предлагает, в частности, влиятельный финансист Дж. Сорос. Другие считают, что речь может пойти о некоем новом биполярном формате, в котором Китаю будет отведена роль «второго полюса» — относительно самостоятельного, но не антагонистичного по отношению к Америке³¹. З. Бжезинский в принципе допускает даже возможность воссоздания «большой тройки», но предпочитает ей «большую двойку» США с Китаем, направленную против России. Третьи опасаются создания Москвой и Пекином антизападного военного союза и намекают на «большую двойку» в формате США — Россия, которая «могла бы разделить погибающее европейское пространство и стать противовесом набирающему силу Китаю». Они утверждают, что «если и существует ход, который способен предотвратить надвигающийся мировой кризис, то это объединение сил Вашингтона и Москвы»³².

Гипотезы, однако, не вполне сопрягаются с реальностью. В отношениях США и России пока нет заметных признаков улучшения. Вашингтон, признавая важную роль Китая в развитии мировой экономики, тем не менее, формирует в АТР подобие антикитайской коалиции, создает зоны свободной торговли без участия КНР. С другой стороны, Китай и Россия, несмотря на геополитическое тяготение и взаимную политическую поддержку, не стремятся к созданию альянса против Запада и не считают враждебное отно-

шение к нему целесообразным и оправданным. Они всего лишь не хотят вести все «игры» исключительно «по западным правилам» и желают сами полноправно участвовать в их разработке.

«Монополярность уже обнаружила свою взрывоопасность и несостоятельность. «Новая биполярность» с участием США и Китая неустойчива и неэффективна. И только многополярность, полицентричность способны обеспечить надежную основу грядущего мироустройства»³³.

-
1. URL: <http://www.gloobalaffairs.ru/print/number/Demokratizm-protiv-demokratii-17495>.
 2. Давыдов А. КНР — США — Россия: обещают ли перемены во власти власть перемен? // Проблемы Дальнего Востока. № 2. 2013. С. 72.
 3. Независимая газ. 2015. 6 апр.
 4. URL: <http://www.1tv.ru/news/polit/298457>.
 5. URL: <http://thewallmagazine.ru/rch-economics>.
 6. См. материалы международной конференции «Россия и Китай: новое партнерство в меняющемся мире», состоявшейся 29 мая 2015 г. в Москве.
 7. Отношения КНР и США на современном этапе: состояние, перспективы и вызовы для России: («Круглый стол в ПДВ») // Проблемы Дальнего Востока. № 4. 2015. С. 38.
 8. Там же.
 9. URL: <http://rusprav.tv/kitaj-ssha-vojna-vse-blizhe-59282/>
 10. URL: <http://carnegie.ru/2015/09/24/ru-61392>.
 11. URL: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/print:page,1,278141-ssha-i-kitay>.
 12. Крепиневиц Э. Как сдержать Китай // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13, март-апрель. Спецвыпуск. С. 54.
 13. Новиков Д. Неравнобедренный треугольник. Там же. С. 43.
 14. Там же.
 15. URL: <http://www.biznes-portal.com/New.aspx?newid=52131>.
 16. URL: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/print:page,1,278141-ssha-i-kitay>.
 17. URL: <http://inosmi.ru/world/20150213/226252310.html>.
 18. Сафранчук И. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии // Международная жизнь. 2015. Август. С. 98–107.
 19. URL: <http://ru.journal-neo.org/2013/06/14/kitaj-stremitsya-v-lidery>.
 20. Там же.
 21. Новиков Д. Указ. соч. С. 42.
 22. URL: <http://www.vz.ru/columns/2015/11/9/776906.html>.
 23. Там же.
 24. URL: <http://lifenews.ru/news/179552>.
 25. URL: <http://carnegie.ru/2015/09/24/ru-61392>.
 26. URL: <http://stalingrad-info.ru/kitay-novyy-vzglyad-na-otnosheniya-s-ssha/>
 27. Da Wei. Sino-U.S. Relations: Strategic Consensus and Stability Framework // Contemporary International Relations. 2015. Vol. 25, № 4. July/Aug. P. 79.
 28. Ibid. P. 85.
 29. URL: <http://ria.ru/world/20150910/1241241748.html>.
 30. Новиков Д. Указ. соч. С. 48.
 31. Предполагается, что в подобном случае США смогут контролировать преимущественно океанские и морские зоны и прибрежные районы, а КНР — сухопутные транспортные артерии Евразии.
 32. URL: <http://inosmi.ru/world/20150723/229234526-print.html>.
 33. Давыдов А. Пекин — Вашингтон — Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектуры. М: ИДВ РАН, 2015. С. 381.